

— Ваш кофе! — раздался над ухом тихий голос, и я, успевший забыть о заказанном кофе, от неожиданности вздрогнул.

— Да-да! Спасибо! — поблагодарил я официанта и, приняв у него из рук чашку, поставил её на стол.

На душе заскребли противные кошки. Во-первых, я забыл, что заказал кофе, а значит, был рассеянным и не мог сосредоточиться. Во-вторых... ну а «во-вторых» не было! Меня просто раздражала фигура незнакомого мужика, который сидел в кресле в углу кафе возле шикарной пальмы.

Этого типа здесь я видел не впервые и каждый раз — под пальмой! Не знаю, почему он так на меня действовал, вроде человек как человек. Единственной его странностью было то, что он не раздевался, как другие посетители. На нём всегда были серый плащ и тёмная шляпа, поля которой не давали разглядеть физиономию. Из-за чёртовой шляпы я не мог понять, смотрит он на меня или нет! Я много раз пытался встретиться с ним взглядом, но наталкивался либо на поля шляпы, либо на размытые тенью от них контуры лица.

Играть сегодня не буду. Это понятно. В таком состоянии можно легко стать жертвой даже любителя, не говоря уже о тех, кто, как и я, сделал карточную игру профессией. Чертыхнувшись, положил на стол деньги за кофе и, кивнув официанту, направился в гардероб.

На улице подошёл к своему «гелику», припаркованному у входа в клуб, и, прежде чем сесть в машину, оглянулся на двери, из которых только что вышел. Этот чёртов наблюдатель стоял у клуба и смотрел на меня. Просто стоял, засунув руки в карманы старомодного плаща, и смотрел. Надоело. Это можно принять за вызов моему мужскому началу. Я не девочка, чтобы меня вот так вот рассматривать! Неужели он не понимает, что такое откровенное внимание может просто бесить людей?

Раздражённо захлопнув дверь машины, я решительно направился к этому типу. Надо расставить точки над «i», иначе не смогу спокойно работать. А о своём душевном состоянии я беспокоился. Игра требует спокойствия, внимания и сосредоточенности, а присутствие этого мужика нервировало.

Он не стал меня дожидаться, не торопясь дошёл до угла дома и свернул в переулочек. Я добежал до угла, за которым он скрылся, и остановился, недоуменно осматривая улицу. Его нигде не было. По переулочку в разных направлениях шли несколько человек, но мой несостоявшийся оппонент исчез.

Я ещё пару минут разглядывал улочку. Ничего не изменилось, плащ не появился! Это странно, в переулочке ему деваться просто некуда. Никаких магазинчиков, забегаловок, офисов — ничего. Ни одной двери, в которую можно зайти! Одни окна.

— Ну и хрен с тобой! В следующий раз разберёмся! — выругался я и вернулся к машине.

Постоял рядом, раздумывая, куда бы податься, потом понял, что ничего не хочу, и сел в машину. Опустил удобнее спинку кресла и задумался.

Этот кадр появился в поле зрения сравнительно недавно — может, месяц назад или около того. Не помню точно. Помню только, что увидел его в первый раз, когда пришёл на игру. Правда, не в этом клубе. Настроение тогда было отличное; я заметил его — он сидел за самым дальним столиком и смотрел в окно. Вернее, в глаза бросились его плащ и шляпа. Я ещё подумал, что чудик какой-то. На улице ясно и тепло, а он вырядился в плащ.

Подумал и забыл. В игре снял хорошие деньги, щедро отблагодарил персонал и, когда уже садился в машину, опять увидел его. Он в своём нелепом плаще стоял возле дверей клуба и смотрел на меня. Вот как сегодня. Именно тогда, в этот самый первый раз, я почувствовал его взгляд.

И ничего бы в этом странного не было. Ну любит мужик плащи и шляпы — и что с того? Все мы, как говорится, с придурью, нормальных людей в наше время уже и не осталось! Если бы мы вновь не встретились уже в другом городе, куда я пару раз в год езжу играть.

Я сидел за стойкой бара и в ожидании начала игры потягивал кофе из маленькой кружечки, когда открылась дверь и зашёл этот мужик. Остановился, несколько секунд смотрел на меня из-под надвинутой на брови шляпы, а потом не спеша направился в самый дальний угол кафе. Засунул руки в карманы, опять посмотрел и уселся, не вынимая рук.

Это уже было странно, а любая странность требует объяснения. Несмотря на то, что спрашивать о гостях не принято, после игры я всё же поинтересовался у бармена, кто это был такой, в плаще. Лучше бы не спрашивал. Странностей добавилось. Бармен удивлённо посмотрел и ответил, что никого он в плаще не видел, у них приличное заведение, и все клиенты, перед тем как зайти в зал, раздеваются в гардеробе.

С тех пор я его вижу каждый раз, когда играю. Он либо уже ожидает меня там, где проходит игра, либо приходит следом за мной. Неизменно устраивается за каким-нибудь удалённым столиком и смотрит.

Терпение лопнуло, и сегодня я попытался с ним поговорить. Не получилось. Я посидел ещё с закрытыми глазами, наслаждаясь удобством кресла, а потом, резко подкинувшись, достал из бардачка письмо и поспешно разыскал на конверте дату.

Вот оно! Я же чувствовал, что плащ появился во время какого-то события! И это событие — письмо, пришедшее месяц назад. Я удивился, когда получил извещение о заказном письме, забыл уже, что информацию можно передавать таким незамысловатым способом. Тип тоже появился месяц назад. Вдохнув, я подумал, что ничего моя догадка не прояснила, наоборот, всё вместе скомкалось в какой-то бред, из которого надо срочно выбираться. Опять тяжело вдохнув, завёл двигатель и, резво тронувшись, покати́л домой, справедливо рассудив, что дома лучше, чем в любом ресторане или кафе.

Светка, в умопомрачительно коротком платьице с надетым поверх фартуком, ковырялась на своих клумбах, доводя окружающее коттедж пространство до совершенства. Я завёл машину во двор, закрыл ворота и остановился посмотреть на стройную фигурку подружки. Не отрываясь от своих ненаглядных цветов, Светка улыбнулась и, сложив губы трубочкой, послала воздушный поцелуй.

— Какие-нибудь новости есть? — спросил я, устраиваясь на лавочке возле клумбы, на которой она копошилась, стоя в соблазнительной позе.

— Нет... разве что... звонил Степаныч, поговорить с тобой хотел.

— Ясно, пойду в дом перезвоню ему.

— Слушай, а почему он тебе на домашний телефон звонил, а не на сотовый?

— У него нет сотового, не признаёт он их, побаивается слегка, — усмехнулся я и, поцеловав Светку, направился в дом, на ходу снимая пиджак и галстук.

Я этот интеллигентный прикид терпеть не мог, но ничего не поделаешь, приходится соответствовать. Встречают,

как говорится, по одежке!.. Ну и по рекомендации, иначе в нашем хитром деле никак.

— Ну, здравствуй, друг мой, здравствуй! — слышался в трубке тихий голос Степаныча сразу после первого гудка, словно он стоял у телефона и ждал звонка. — Как поживаешь, занимаешься чем?

— И вам здоровья! — улыбнулся я, представив, как Степаныч стоит в коридоре своей скромной квартирki, согнувшись над тумбочкой с дисковым телефоном.

Он опасался, что если встанет в полный рост, то шнур может не растянуться и аппарат повиснет в воздухе.

— Я что звоню-то, друг мой! В граде Петровом намечается выбор сильнейшего. Нет желания счастья попытаться?

— Нет, Степаныч! Желания нет! Вы же знаете, что я откажусь, и всё равно вот уж который год предлагаете.

— Ну да, понимаю, понимаю! Этим, друг мой, я свой меркантильный интерес преследую. Да и гордыню-матушку потешить хочу! Всё надеюсь, что согласишься! Ну а надежда, она, знаешь ли, штука такая, как чесотка, всё свербит и свербит, покоя не даёт.

Я засмеялся:

— Понимаю, но как-нибудь потом, попозднее. Опыта поднаберусь...

— Ну что же, на нет, как говорится, и суда нет! Удачи тебе и мира дому твоему. Ждать буду. Да!.. И девочке своей наилучшие пожелания передай!

— Обязательно передам!..

Постоял некоторое время, улыбаясь, и аккуратно положил трубку на аппарат. Потом разделся, обмотал бёдра полотенцем и потопал в летний душ. Стоя под прохладными струями воды, думал о Степаныче. Конечно, он хочет на старости лет прославиться. Если его ученик, коим я в своё время и являлся, на карточном турнире займёт призовое место — честь обоим и хвала. Уважение в немалом кругу играющих людей. И известность, которая в виде ложки дёгтя в бочке мёда лишит хорошего заработка. Потому как не найдётся желающих ставить на кон хорошие

деньги в игре с профессионалом, выигравшим турнир. Поэтому в престижных игрищах участвуют либо те, кто уже наигрался и собрался на покой, либо ради спортивного азарта и славы.

Для Степаныча же, на закате жизни, это важно. Хочется, чтобы о нём говорили, вспоминали, приглашали на мероприятия. Другими словами, внимание ему нужно, один он в жизни, семьи никогда не было, детей нет. Только редкие ученики, да и те, едва встав на ноги, разбегались по миру, вот как я.

Познакомились мы случайно. Десять лет назад, после окончания университета, я возвращался домой. Разошелся на купейный вагон и наслаждался поездкой, время от времени тешась мыслями о том, какой я умный и правильный. Ну а как же! Закончил математический факультет МГУ с отличием и уже получил приглашение на хорошую работу.

Всё было отлично до тех пор, пока молодое семейство, изначально следовавшее со мной, не покинуло соседние места, которые заняли два хамоватых мужика и интеллигентного вида старичок. Впрочем, мужики меру знали и вели себя пристойно. Пока им не стало скучно и они не прицепились ко мне, чтобы я составил им компанию при игре в карты. На нашего четвёртого попутчика они внимания не обращали, решив, по-видимому, что с этого божьего одуванчика взять нечего.

Я отнекивался как мог. Долго не соглашался, но в конце концов мне надоело, и я согласился. Сами напросились. Сначала всё было чинно и мирно, играли на интерес, пока один из мужиков не предложил поставить небольшую сумму. И поехало. Я выигрывал, сумма росла и росла. Откуда им было знать, что играть в карты я умел, очень хорошо умел? Память у меня исключительная.

Прежде чем ребята поняли, что ситуация вышла из-под контроля, я уже выиграл у них приличную сумму. Когда с удовольствием начал собирать разбросанные по

столику купюры, один из них перехватил меня за руку и прошипел:

— Положи бабки, щенок, пока я тебе ручонки не переломал!

Я удивлённо посмотрел на него. Назвать мои лапы ручонками ну никак нельзя при моей-то внушительной комплекции.

— Ты почему, сука, не предупредил, что кидала?

— Господа хорошие, — раздался вдруг негромкий голос старичка, который всё это время сидел в сторонке и увлечённо наблюдал за игрой. — А разве он обязан предупредить об этом? Если не ошибаюсь, сей молодой человек довольно долго отказывался играть. Но вы его уговорили, вовлекли так сказать, а теперь собираетесь забрать проигранные деньги. Это, ребятки, не есть комильфо!.. По вашим дурным головам вас за это не погладят! Скорее наоборот!..

— Заткнись, дед, пока тебе кадык не вырвали! — окрысился один из мужиков.

— Друг мой, не соблаговолите ли вы выйти и подождать немного в коридоре? — спокойно обратился ко мне старичок и приоткрыл дверь купе. — У меня, знаете ли, назрела острая необходимость пообщаться с этими, — он пожевал губами, словно пробуя на вкус слово, которое собрался произнести, — уродцами.

И он улыбнулся мне, блеснув великолепными зубами. Если просит пожилой человек, почему бы его и не уважить? Не обращая внимания на мужичков, которые уже сообразили: что-то пошло не так, — собрал остатки денег и вышел в коридор.

Уродцы не заставили себя долго ждать — минут через пять вышли с вещами и, покосившись на меня, потопали в сторону тамбура.

— Чего это они вдруг? — спросил я, возвратившись в купе. — Им же ещё ехать и ехать!

— А им, друг мой, выйти срочно потребовалось! Дела у них на ближайшей станции образовались, — несолидно

хихикнул старичок и, привстав, представился: — Степаныч! К вашим, так сказать, услугам...

— А по имени?

— Просто Степаныч. Я, друг мой, привык уже так. Кстати, со мной в картишки не желаете ли перекинуться?

Я пожелал, так как уже понял, что неспроста он это предложил, да и сам не тот, кем старается выглядеть. Не зря же эти гаврики так поспешно сбежали, благоразумно решив с ним не связываться.

Выиграть не смог ни разу!.. Попутчик оказался более чем интересным человеком. За время совместного путешествия мы успели о многом поговорить. Прощаясь, Степаныч дал свою визитку. А через месяц, отдохнув дома, я вернулся в Первопрестольную и одновременно с работой приступил к обучению... у Степаныча.

Метод обучения у Степаныча был странный. Он ждал одиннадцати часов вечера и только после этого загружал мою голову премудростями игры, одновременно требуя, чтобы я запоминал массу чисел. Когда же я сказал, что буду лучше справляться с заданием хотя бы в шесть часов вечера, он решительно возразил.

— Друг мой! — сказал он. — Не знаю, замечали ли вы, что поздним вечером трудно что-то запомнить, например, стих. Мозг уже устал за день и начал лениться. Если стих короткий, вы его, скорее всего, сможете повторить без запинки. Ну а если стихотворение состоит из семи четверостиший и более, то без запинок вы его не повторите. Даже будете забывать целые строчки! Зато утром процитируете как по написанному. Ваш разум за ночь обработает полученную информацию и утром выдаст результат.

Через год Степаныч вывел меня в «свет». Другими словами, дал рекомендации, и я стал членом своего первого клуба, в котором, по совету наставника, пробовал силы в течение ещё целого года. Играл на небольшие, по меркам профессиональных игроков, суммы.

А потом ушёл в самостоятельное плавание. И быстро приплыл, чуть не потеряв здоровье. Волею случая оказался в одном небольшом городке, где и очутился за игровым столом. Я даже не знал, что в этой дыре есть клуб, где обеспеченные гости скидывали лишние деньги. Но что случилось, то случилось. Играть там не умел никто! Поэтому я, не напрягаясь особо, снял хорошую сумму и, провожаемый масляными улыбками администрации заведения, отправился домой.

Перехватили меня на парковке. Три крепких парня, не заморачиваясь тем, что я их видел в качестве охраны клуба, забрали мой выигрыш. К собственной чести скажу: у них получилось не сразу и с большим трудом. Парень я высокий, здоровый, не трусливый, но вот в драках не силен, даже в подзаборных. В общем, огрѐб по полной программе.

Жаловаться правоохранителям не стал. Через пару недель, залечив наиболее болючие места, опять приехал в негостеприимный городок и, потратив энную сумму денег, узнал, где живут мои обидчики. За три дня повстречался с каждым по отдельности. И только один оказал сопротивление, которое я быстро сломал вместе с рукой. Двое других поняли сразу, что поодиночке им нечего мне противопоставить. Я остался доволен. Но моей вендеттой не был доволен Степаныч.

— Итак, друг мой, — ехидно начал наставник, когда я приехал к нему домой, устроился в одном из старых кресел и, захлёбываясь от радостного возбуждения чаем, который он мне предложил, в красках описал, как отомстил обидчикам, — вы, насколько я понимаю, получили удовольствие оттого, что отметили этих трёх баранов, — Степаныч поморщился, а потом, разведя руками, извиняющимся тоном добавил: — Поскольку уж они подписались на такое грязное дело, значит, они истинные бараны. Мне их не жалко.

— Конечно, получил! — довольно оскалился я и блеснул недоразвитой эрудицией: — Не зря же говорят, что

мечь — это деликатес, который надо употреблять в холодном виде.

— Как же, как же, понимаю, — пробормотал Степаныч и, закурив сигариллу, аккуратно выпустил дым в сторону, чтобы он не попал на меня. — Вам, друг мой, лишь бы пожрать! Хотя в вашем возрасте это простиительно.

Он помолчал и, прищурившись, разглядывал меня, а потом улыбнулся.

— Мечь, друг мой, — это блюдо, которое подают холодным или не подают совсем! Так, по-моему, будет правильной. Но поскольку мы живём в насквозь дурное и нелогичное время, где всё поставлено с ног на голову, то уместнее сказать, что мечь — это наркотик, который, попробовав один раз, хочется ещё и ещё!.. Привыкаешь, знаете ли, к этому. Тем более что этот наркотик приносит облегчение человеку, чтобы там ни думал Всевышний со своим смирением и заповедью о правой и левой щеке. Поэтому лучше этим наркотиком не злоупотреблять, и если дело не стоит того, мелочь, Бог с ним, забудьте, душою здоровее будете.

Скрипнула дверь в душевую, и Светка, прижавшись ко мне разгорячённым телом, прервала воспоминания.

«Извини, сэнсэй! Мне сейчас будет не до тебя», — подумал я и отключил мозг. Он мне сейчас без надобности. Думать придётся другим местом! Со Светкой по-другому никак!

— Ого! Это что? Письмо, что ли? Настоящее?!.. Тебе?!.. — за несколько секунд задала кучу вопросов Светка, когда проходила мимо журнального столика и увидела на нём полученное письмо, которое я прихватил из машины.

— Письмо. Настоящее. Мне, — вздохнув, ответил я на все поставленные вопросы и предложил: — Можешь прочитать, если интересно. Заодно вместе подумаем, что теперь делать.

— А если неинтересно? — засмеялась Светка и усе-
лась в кресло напротив меня, не смущаясь, что коротень-
кий халатик ничего не скрывал.

— Ты уж поверь, интересно будет, — усмехнулся я, с
трудом отводя взгляд от её ножек. — Мне так вообще при-
шлось прочитать его несколько раз, чтобы поверить в на-
писанное.

Светка пожала плечиками, вытащила из конверта фо-
тографию и сложенный вдвое стандартный листок.

— Это ты в детстве, маленький ещё, — недоуменно
посмотрела она на меня, — у нас есть точно такая же фот-
ка!..

— Нет, милая. Это не я. Это мой сын, о существовании
которого я узнал месяц назад из этого послания.

— Твой сын?!.. — почему-то шёпотом повторила Свет-
ка и поднялась из кресла, растерянно переводя взгляд
с фотографии, которую продолжала держать в руке, на
меня.

— Мой, — терпеливо повторил я и поспешно доба-
вил: — Надеюсь, ты не думаешь, что я всю жизнь ждал
встречи с тобой и с другими женщинами дел не имел?

Светка, продолжая таращиться на меня, медленно по-
качала головой.

— Ну и отлично! Читай, что там написано, и часть во-
просов отпадёт сама собой.

Светка так же молча покивала головой и подняла ли-
сток, упавший с колен, когда она вставала. Опять села в
кресло и начала читать, время от времени поднимая на
меня взгляд.

Письмо пришло из детского дома. Руководство было
обязано уведомить меня о том, что я теперь являюсь един-
ственным близким родственником своего сына. Его мать
умерла два месяца назад в больнице, от рака. Перед смер-
тью она сообщила, кто отец её ребёнка.

То, что этот пятилетний мальчишка — мой сын, видно
невооружённым глазом. Мы с ним похожи, как близне-
цы. Одно лицо! Я специально сравнивал две фотографии:

свою в этом же возрасте и его. Различалась только одежда. Маму собственного сына я почти не знал. Лет шесть назад случайно познакомился с ней в баре клуба, куда приехал на игру.

Помню, хорошо тогда поиграть не получилось, ставки были никакие. Игроки осторожничали, ставили небольшие суммы, и складывалось впечатление, что они играют, просто чтобы убить время. Видимо, кто-то пустил слухок, что сегодня делать крупные ставки небезопасно. Так бывает, и уважающее себя заведение непременно выяснит, от кого исходит столь неприятная для их бизнеса информация. Я для отвода глаз проиграл несколько раз незначительные суммы, посетовал, что сегодня не мой день, и, попрощавшись с игроками, вышел в бар.

Официантка, обслуживающая столик, была симпатичная и смешливая, она мне понравилась. Дождлся до конца её смены и привёз домой. Роман не затянулся, и через неделю мы друг друга благополучно забыли. Я даже не знаю, как её звать. К своему стыду, не удосужился спросить. Легко встретились, легко разбежались. Друг другу мы были не нужны.

— Они пишут, что она оставила ребёнка в роддоме, дала ему твою фамилию и отчество и только перед смертью сообщила, кто отец и где тебя искать, — растерянно проговорила Светка и зачем-то протянула в мою сторону листок.

Я приподнялся, взял из её рук письмо и, положив его на журнальный столик, сказал:

— Да, она его оставила, но не отказалась от него. Они пишут, что она регулярно справлялась о нём и добросовестно перечисляла алименты.

— Но почему она оставила своего сына? Почему?! Он же... это же... её ребёнок!

— Не знаю, Свет! — вздохнул я и, поймав подругу за руку, усадил к себе на колени. — Не знаю. Скорее всего, она понимала, что мать из неё никакая!..

— Ну а ты?.. Ты-то что?! — вывернулась вдруг из моих рук Светка и, поднявшись, вопросительно на меня посмотрела.

— Не понял! Что ты имеешь в виду? Что́ я?!..

— Почему ты не поехал к своему сыну сразу же, как только получил это письмо?

Вот тебе и здрастье! Я не знал, что ответить. Почему не поехал?! Да потому что из меня отец тоже никакой!.. Что бы я с ним делал? По правде говоря, мне дети не очень-то и нравятся. По крайней мере, чужие!.. И непонятно, почему дяди и тётки так приторно сюсюкаются со знакомыми и даже незнакомыми детьми. Можно подумать, что они жили ради встречи с этими орущими и сопливыми созданиями! Про своих ничего не могу сказать, до этого времени у меня детей не было. Хотя после внезапно навалившегося отцовства каких-то положительных эмоций я не испытал, скорее недоумение: и как это меня угораздило?!

— Почему не поехал? — переспросил я, пожав плечами. — Наверное, нам с тобой это не надо!.. И потом, я совершенно не знаю этого парня, — кивнул я на фотографию, лежащую на столике. — Может, он и не мой...

— Не твой?! — аж взвизгнула Светка, отступила от меня на пару шагов и, ткнув пальчиком в фотографию ребёнка, прошипела: — Ты завтра же поедешь к своему сыну и сделаешь всё возможное, чтобы он остался с тобой! Это! Твой! Ребёнок!.. Если ты этого не сделаешь...

— Хорошо! Завтра едем! — не дал я ей договорить и, поднявшись из кресла, заглянул в потемневшие от гнева глаза.

Светка взгляд не отвела, и я понял, почему мы вместе. Почему я чувствую себя в её компании так комфортно и почему мне не надоедает находиться рядом с ней.

Она женщина с большой буквы! Настоящая женщина! В неё на генном уровне заложена забота о ком-нибудь! Сначала обо мне — она за несколько месяцев научилась так готовить, что я хотел возвращаться домой. Сделала

«конфетку» из моего неухоженного дома. И постоянно что-то улучшает, добиваясь, видимо, того, чтобы я жил в раю. Ну а теперь, чувствую, станет матерью для моего сына и, похоже, уже решила для себя этот вопрос.

Возможно, она ведёт себя странно. Я не знаю, никогда не был знатоком женских душ. А может, и нет. Может, женщины и должны так себя вести? Кто знает.

Два года назад, когда я в первый раз её увидел, она произвела двойное впечатление. Моё мнение о ней за короткий промежуток времени сменилось от лёгкого высокомерия до потрясения.

Я ехал домой и подхватил голосующую на дороге девушку. Ничего особенного она не представляла. Девчонка как девчонка: на голове какая-то непонятная «лохматая» причёска, огромные, на пол-лица, тёмные очки, драные джинсы и невзрачная полинявшая футболка, больше своего носителя на несколько размеров.

Она направлялась к подруге, живущей за городом, так что нам какое-то время было по пути. Разговаривать особого желания не было, но, чтобы соблюсти приличия, узнал, что её зовут Светлана. Представился сам. Потом заинтересовался, чем она занимается.

Вот тут меня ждало первое потрясение. Она сказала, что балерина! Это настолько не вязалось с её ободренным образом, что я чуть не съехал в кювет.

— Не верите? — спросила попутчица, явно довольная произведённым впечатлением.

— Честно говоря, не очень верится, — засомневался я. — Мне кажется, балерина — это что-то такое воздушное, возвышенное!.. А вы вот в этих джинсах... дырявых...

— Я что, должна в пачке, что ли, по улице ходить? — уставилась на меня Светлана.

— Простите, в чём? — не понял я.

— Понятно. Остановите машину!

Я послушно съехал на обочину и включил аварийку. Девушка выпорхнула из машины и, вытянувшись в

струнку, встала на носочки своих обшарпанных кроссовок прямо на засыпанной мелкой щебёнкой обочине. Постояла так несколько секунд, словно раздумывая, что делать дальше, а потом, к моему величайшему изумлению, несколько раз изящно крутанулась вокруг своей оси, выбрасывая в сторону ногу.

— Что это было? — не выдержал я, когда Светлана снова устроилась рядом.

— Это называется фуэте, — засмеялась она и сняла очки.

Это было второе потрясение. У неё оказалось красивое лицо! Невероятно красивое, настолько, что я спросил:

— Ты замужем?

— Успокойтесь! — опять засмеялась девушка. — Не замужем, и если у вас есть время, то репетиция завтра заканчивается в семь часов вечера.

Время у меня было — и завтра, и послезавтра, и каждый день. На неё у меня всегда было время.

С насюка забрать ребёнка не получилось. Юрист детского дома объяснила, что, несмотря на явное внешнее сходство, мне надо подтвердить отцовство. Другими словами, сдать тест ДНК. Если всё будет в порядке, то процедура значительно упростится, так как не придётся оформлять опеку, что является достаточно утомительным занятием.

Я оказался папой. Кто бы сомневался!

Мы со Светкой ждали на небольшой аллейке, которая упиралась прямо в двери детского дома. На улице было пасмурно, собирался дождь, и я с тревогой поглядывал на вечернее, затянутое тучами небо, опасаясь, что каприз природы испортит такое важное для нас событие.

Светлана стояла рядом и нервно покусывала нижнюю губу. Она всегда так делала, когда сильно волновалась. Я взял её за руку и, слегка сжав ладошку, сказал:

— Не волнуйся, всё будет в порядке!

Ответить она не успела. Из дверей с ребёнком за руку вышла заведующая и, заметив нас, остановилась. Наклонилась к мальчику и что-то сказала.

Мне показалось, что ребёнок не услышал её. Он, руками прижимая к груди машинку, не сводил глаз со Светки, смотрел на неё широко открытыми глазами и молчал. Она не выдержала и пошла к ним, всё убыстряя и убыстряя шаг, а потом побежала. В паре метров от ребёнка остановилась, присела на корточки и протянула руки. Тот, не отводя глаз, медленно пошёл к ней, а когда она обняла его, уткнулся лицом в шею и замер.

Мой сын плакал. Не ревел, не всхлипывал, просто стоял, а из его глаз катились и катились слёзы. Увидев это, Светка вытащила платочек и вытерла ему лицо. Прижав мальчика к себе, она поднялась вместе с ним на руках и, не обращая ни на кого внимания, пошла к машине.

Я посмотрел на заведующую. Женщина развела руками и, грустно улыбнувшись, сказала:

— Детям в первую очередь нужна мама, по крайней мере, в этом возрасте. Ничего с этим не поделаешь, они с момента осознания себя личностью ждут, когда к ним придёт мама! Вы уж не обижайтесь!

«Не обижайтесь!..» Я и не обижаюсь! Просто не знаю: что мне-то делать? Как себя вести с ребёнком? А если он станет называть меня папой? А он станет, ему не могли не сказать, что я его папа. Я некоторое время постоял, вздыхал, а когда понял, что могу попасть под дождь, тоже потопал к машине.

Ребёнок спал. Положил голову Светлане на колени и спал, удобно устроившись на заднем сиденье.

— Ну ты как, в порядке? — спросил я и посмотрел в зеркало заднего вида.

Светлана не ответила. Она, чему-то улыбаясь, отрешённо смотрела перед собой и моего вопроса не слышала. Ну что же, со всеми непонятками попробую разобраться завтра. Я запустил двигатель и не торопясь вывел машину с парковки.

Уже при выезде из города резко потемнело, и с неба посыпался мелкий дождь. Я чертыхнулся, включил «дворники» и, заметив стоящего под фонарём человека, резко вывернул руль, остановившись возле тротуара. Несколько секунд внимательно разглядывал фигуру в плаще, а когда осознал, что мужик никуда уже не уйдёт, выбрался из машины.

Он ждал. Стоял, засунув руки в карманы старомодного плаща, и ждал, разглядывая меня из-под надвинутой на глаза шляпы. Я подошёл к нему ближе, вытер мокрое лицо ладонью и спросил:

— Ты кто? Что тебе от меня надо?

Он ответил не сразу. Переступил пару раз с ноги на ногу, а затем, усмехнувшись, ответил:

— Я думал, что ты уже понял.

Я, как рыба, несколько раз открыл и закрыл рот, не зная, что сказать. Этот голос я слышал каждый день! Каждый божий день! Но никогда не думал, что, услышав его со стороны, приду в такое замешательство.

— Ну вот, вроде начал соображать, — опять усмехнулся он и, посмотрев мне в глаза, сдвинул шляпу на затылок.

Смотрели когда-нибудь в зеркало и, видя собственное отражение, понимали, что это не вы? Думаю, что нет. А я видел. Ошибки быть не могло: это я. Голос мой. Лицо до малейших чёрточек моё! Я стоял и смотрел сам на себя, с тихой паникой понимая, что не нахожу мыслей, способных объяснить это.

Не дождавшись адекватной реакции, он опять надвинул шляпу на глаза и негромко сказал:

— Ничего не надо... Ты уже всё сделал... почти всё. Удачи...

Постоял ещё немного, осматривая улицу с прыгающими по лужам редкими прохожими, поднял воротник плаща и не торопясь пошёл под усиливающимся дождём.

Отойдя метров на десять, обернулся, снял шляпу и, прощаясь, старомодным жестом приподнял её над головой.

Я смотрел ему вслед и с непонятной самому себе грустью увидел, как растворяется в насыщенных влагой сумерках его силуэт.

— Ты чего под дождём торчал? Ещё подрасти захотел? — улыбнулась Светлана, когда я забрался в машину.

— Да нет, тут другое, — вздохнул я, — сам с собой общался. Назрела, знаешь ли, такая необходимость.

— Бывает... надо иногда с самим собой поговорить, — улыбнулась Светлана и, погладив по щеке ребёнка, попросила: — Поехали уже, что ли?

Я смотрел вслед удаляющейся машине до тех пор, пока её силуэт не растворился в колыхающейся пелене мелкого дождя. Когда автомобиль пропал из виду, нахлобучил промокшую шляпу и, поправив воротник, не торопясь пошёл по обезлюдевшей улице.

— А-а-а-а! Здравствуй, здравствуй, друг мой! — засмеялся в трубку Степаныч, когда я поздоровался с ним и справился о здоровье. — Слава Богу, всё в порядке!.. Ну а вы по какому поводу звоните? Чувствую ведь, что не просто о здоровье старика справиться.

— Не просто, Степаныч, не просто! Помнится, вы меня на турнир приглашали. Так вот, хочу поинтересоваться: остаётся ли ваше приглашение в силе, и не займётесь ли вы продвижением моей персоны?

— С удовольствием, друг мой! С удовольствием и все-непременно!